

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 21 Суббота, 11 (24) іюня 1905 г. № 21

Андреевскій флагъ на о. Цусима.

Почти полъ-вѣка тому назадъ надъ островомъ Цусима, у береговъ котораго такъ трагически погибъ флотъ Рожественскаго, развѣвался русскій Андреевскій флагъ. Въ 1860 году капитанъ 1-го ранга Лихачевъ, командовавшій русской эскадрой въ китайскихъ водахъ, занялъ о. Цусима и обратилъ его во временный опорный пунктъ для нашего флота.

Это было сдѣлано, повидимому, по слѣдующимъ соображеніямъ. Занятые за нѣсколько лѣтъ до этого адмираломъ Невельскимъ Сахалинъ и Амурскій лиманъ вызывали необходимость держать на Дальнемъ Востокѣ флотъ. Между тѣмъ удобныхъ портовъ южнѣе Владивостока для военныхъ судовъ не было, а база для флота была необходима. Постоянная зависимость нашей эскадры отъ Нагасаки и Шанхая, гдѣ обыкновенно стояли, чинились и запасались всѣмъ необходимымъ русскія суда, справедливо считалась и Лихачевымъ, и другими нашими моряками крайне стѣснительной и неудобной.

По мнѣнію Березина, и бухты сибирскаго побережья не отличаются удобствами ни въ военныхъ, ни въ торговыхъ цѣляхъ. Николаевскъ онъ считаетъ хуже залива де-Кастри. Бухты св. Владиміра и Посьета крайне неудобны по своему положенію. Отъ Амура онѣ отдѣлены гористой мѣстностью на нѣсколько сотъ верстъ, такъ что транспортировка къ нимъ грузовъ сухимъ путемъ представляетъ большія трудности. Такимъ образомъ, для того, чтобы Россія могла въ будущемъ „ногою твердой стать при морѣ", оставался одинъ Владивостокъ, крайне отдаленный отъ Печилійскаго залива и притомъ замерзающій. При такихъ условіяхъ со стороны Лихачева занятіе острова Цусима было въ высшей степени дальновиднымъ и вполнѣ отвѣчало тогдашнимъ интересамъ Россіи на Тихомъ океанѣ.

Съ точки зрѣнія русскаго правительства, послѣ пріобрѣтенія Амурскаго края и Сахалина Невельскимъ, неизбѣжно нужно было тогда же какъ можно прочнѣе укрѣпиться именно въ Корейскомъ проливѣ, тѣмъ болѣе, что въ то время сдѣлать это было крайне легко. Противъ занятія Цусимы русскими Японія, напримѣръ, даже и не протестовала, и такъ какъ островъ этотъ находился тогда лишь въ вассальномъ подчиненіи японскому правительству, обратить его въ военную базу для русскаго флота было просто необходимо. Такъ поступили бы, несомнѣнно, и англичане и нѣмцы, и французы, и американцы.

Но мы... не англичане! Предвидѣть будущее, учесть послѣдствія нашей колонизаціи на Амурѣ и берегахъ Тихаго океана русская бюрократія не сумѣла и тогда, какъ не сумѣла теперь отстоять то, что досталось столь дорогою цѣною послѣ Китайской войны.

Даже безкровное пріобрѣтеніе Невельскимъ Амурскаго края было не сразу принято правительствомъ. Поступокъ Невельскего (заходъ безъ разрѣшенія въ Амурскій лиманъ) былъ признанъ въ Петербургѣ „дерзкимъ и подлежащимъ наказанію".

И вотъ, разгромленъ нашъ флотъ у того самаго о. Цусима, гдѣ Рожественскій, при большей дальновидности Нессельроде и кн. Горчакова, могъ бы найти прекрасную боевую базу, уголь, доки и т. п.

Вотъ, что писалъ въ своемъ рапортѣ въ Петербургъ 9-го апрѣля 1861 года контръ-адмиралъ Лихачевъ изъ Шанхая: „Перегрузивъ съ него (съ транспорта „Японецъ") запасы, насколько суда наши могли вмѣстить, я рѣшился отправить на немъ въ новые наши порты Японскаго моря нѣкоторые предметы первой необходимости, которыми по низкимъ (сравнительно) цѣнамъ въ Нагасаки казалось мнѣ удобнымъ и нужнымъ снабдить новыя поселенія".

И далѣе: „2-го февраля корветъ „Посадникъ" отправленъ въ Хакодате для отвоза консула г. Гошкевича. Оттуда корвету предписано слѣдовать немедленно для описныхъ работъ въ Корейскомъ проливѣ и около острова Тсу-сима". Вслѣдъ за „Посадникомъ", 26-го марта на о. Цусима прибылъ и

Адмиралъ Рожественскій на контръ-миноносцѣ „Бѣдовый".
Рисунокъ Поля Теріа, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

салъ Лихачевъ на „Пѣздникѣ", бросивъ якорь въ „Ташамура"—прелестной и удобнѣйшей бухтѣ западнаго побережья острова. Изъ дальнѣйшей переписки Лихачева съ Петербургомъ видно, что онъ придавалъ особое значеніе о. Цусима и былъ убѣжденъ въ необходимости его занятія русскими.

Примѣръ Невельского могъ даже поощрить его рѣшимость въ этомъ направленіи. Но въ Петербургѣ бюрократія не дремала. На этотъ разъ уже не графъ Нессельроде, а кн. Горчаковъ тоже, вѣроятно, нашелъ поступокъ Лихачева „дерзкимъ" и настоялъ на томъ, чтобы съ о. Цусима былъ убранъ Андреевскій флагъ.

Теперь тамъ побѣдно развѣвается японскій флагъ, угрожая уже и Сахалину, и Владивостоку, а на днѣ моря, гдѣ когда-то корветъ „Посадникъ" считалъ себя почти въ русскихъ водахъ *), покоятся тысячи храбрыхъ нашихъ моряковъ, разбитыхъ вѣрнымъ союзникомъ Японіи—русской бюрократіей, ложно понявшей свою задачу на Дальнемъ Востокѣ. Побѣда Того надъ Рожественскимъ подготовлена побѣдой русской всемогущей, но слѣпой бюрократіи надъ контръ-адмираломъ Лихачевымъ.

Какая ужасная иронія судьбы, какой безпощадный приговоръ надъ всей нашей дальне-восточной политикой! Моряки утверждали наше господство въ Тихомъ океанѣ, воюя съ бюрократіей, а бюрократія, защищая это господство, погубила въ его водахъ весь русскій флотъ!

Какъ правъ былъ адмиралъ Невельской, когда слѣдующими суровыми словами опредѣлялъ этихъ русскихъ бюрократовъ, съ которыми ему такъ много пришлось бороться за интересы Россіи на Дальнемъ Востокѣ: „Питомцы Марсова поля и Кавказа", „воспитанники красносельскихъ лагерей и маневровъ", „реформаторы—чиновники, созидающіе реформы въ канцеляріяхъ, не умѣющіе себѣ представить, чтобы присоединеніе къ Россіи цѣлаго края, могло совершиться безъ свиста, пуль и ядеръ, треска и шума реляцій и ихъ спутниковъ: крестовъ, чиновъ и отличій".

Н. Молоствовъ.

Мемуары черного деспота.

(Портретъ на стр. 168).

На-дняхъ телеграммы принесли извѣстіе о смерти знаменитаго торговца слоновой костью и невольниками, Типпу-Типа.

Въ исторіи открытія внутренней Африки и въ образованіи государства Конго, Типпу-Типъ игралъ очень видную роль, и неограниченная власть его распространялась на огромныя пространства „Черного материка".

Черный деспотъ сознавалъ необходимость считаться съ могуществомъ европейцевъ и, только благодаря содѣйствію его, могло осуществиться прогремѣвшее на весь свѣтъ путешествіе Стэнли.

Какъ оказывается, Типпу-Типъ не былъ лишенъ пониманія своего историческаго значенія. Между запродажей партіи слоновыхъ клыковъ и выгодною сдѣлкой по сбыту живого человѣческаго товара, онъ набрасывалъ любопытныя записи въ свой дневникъ, составившій томъ весьма своеобразныхъ мемуаровъ. Типпу-Типъ велъ дневникъ на языкѣ суагели и писалъ его арабскими буквами. Одинъ изъ нѣмецкихъ чиновниковъ, служащихъ въ Занзибарѣ, д-ръ Генрихъ Броде, познакомившись съ Типпу-Типомъ, уговорилъ послѣдняго огласить драгоцѣнную рукопись, переписалъ ее латинскими буквами и затѣмъ перевелъ. Въ настоящее время трудъ его вышелъ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: „Типпу Типъ, біографія одного изъ деспотовъ Центральной Африки".

Авторъ мемуаровъ происходитъ изъ предпріимчивой семьи арабскихъ купцовъ, промышлявшихъ „чернымъ" и „бѣлымъ" товаромъ, т. е. продажею негровъ и слоновой кости. Въ жилахъ его текла, однако, и изрядная примѣсь туземной крови: отецъ Типпу-Типа былъ сыномъ негритянки.

Типпу-Типъ лишь прозвище „черного деспота"; въ дѣйствительности его звали Хамедомъ-бенъ-Мохаммедомъ. Родился онъ въ Занзибарѣ, въ селеніи Шамба-Гварара. Образованіе его, согласно арабскому обычаю, ограничилось поверхностнымъ изученіемъ корана, т. е. не вышло изъ предѣловъ элементарной грамотности. Первое путешествіе съ промышленною цѣлью совершено имъ шестнадцати лѣтъ отъ роду. Онъ посѣтилъ сосѣднія прибрежья, главнымъ образомъ, Коналъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ родственниковъ со стороны своей матери. Два года спустя, отецъ его, жившій въ Таборѣ, снарядилъ болѣе значительную экспедицію; Типпу-Типъ принялъ въ ней весьма дѣятельное участіе.

Арабскіе хищники проникли въ Уганду, къ сѣверо-западу отъ озера Ньясса, и всю свою добычу, состоявшую изъ слоновой кости и негровъ, продали въ Занзибаръ. Возвращаясь въ Табору, отецъ Типпу-Типа захватилъ его съ собою. Здѣсь онъ заболѣлъ оспою,—болѣзнью, которая свирѣпствуетъ эпидемически въ Западной Африкѣ. Хотя лицо Типпу-Типа не стало рябымъ, однако, его далеко нельзя было назвать красавцемъ. Арабъ по отцу и матери, онъ унаслѣдовалъ отъ своей бабушки, негритянки, внѣшность, присущую только черной расѣ.

Въ характерѣ Типпу-Типа сочетались хитрость и мужество, пониманіе людей, алчность, и щедрость, жестокость и нѣкоторое добродушіе. Благодаря всѣмъ этимъ свойствамъ, онъ не только собралъ несмѣтныя богатства, но и создалъ самый могущественный султанатъ въ Центральной Африкѣ. Политика его на этомъ престолѣ была, съ дипломатической точки зрѣнія, весьма даровитой, такъ какъ внушила одинаковое довѣріе къ Типпу-Типу не только арабамъ, но неграмъ и европейцамъ.

Въ 1867 г. Типпу-Типъ встрѣтился съ Ливингстономъ во время своей послѣдней экспедиціи. Онъ только что передъ тѣмъ одержалъ побѣду надъ прославленнымъ вождемъ негровъ Нзама, котораго англійскіе изслѣдователи называютъ „Наполеономъ" черного материка. Изгнавъ опаснаго врага изъ его резиденціи въ Бомѣ, Типпу-Типъ направился къ Пэндѣ,—деревнѣ, отстоящей въ трехъ дняхъ пути отъ озера Муеру, гдѣ 29 іюля 1867 г. встрѣтился съ Ливингстономъ. Типпу-Типъ подарилъ Ливингстону козу, кусокъ бѣлаго каттуна, четыре большихъ связки жемчужинъ и мѣшокъ сорго; кромѣ того, онъ извинился, что не можетъ поднести ничего больше. Ливингстонъ отмѣчаетъ также, что Типпу-Типъ получилъ въ битвѣ съ вождемъ негровъ Нзама двѣ раны.

Изъ краткихъ записей Ливингстона слѣдуетъ, что Типпу-Типъ отнесся къ нему весьма дружественно. Самъ Типпу-Типъ въ своемъ дневникѣ увѣряетъ, что оказалъ знаменитому путешественнику всевозможное содѣйствіе. Ливингстонъ показался ему очень старымъ. Типпу-Типъ говоритъ, что хотя путешественника зовутъ Ливингстономъ, однако, въ домашнемъ быту онъ носитъ прозвище „Девида" (по англійскому произношенію имени „Давидъ"). Арабъ, очевидно, не зналъ различія между именемъ и фамиліей. По словамъ Типпу-Типа, онъ почти спасъ Ливингстона отъ гибели. Онъ много дней ухаживалъ за больнымъ старикомъ, проводилъ его къ озеру Муеру и отослалъ затѣмъ съ рекомендательнымъ письмомъ въ Рунду, къ знакомому арабскому вождю Могаммеду-бенъ-Салеху, который принялъ на себя дальнѣйшія заботы объ отважномъ ученомъ. Кромѣ того, Ливингстонъ просилъ отослать различные ящики къ нему въ Уджи, что Типпу-Типъ исполнилъ съ оказіей на собственный счетъ.

Свое прозвище гостепріимный арабъ поясняетъ впечатлѣніемъ, которое произвели ружейные выстрѣлы на шензіевъ, подданныхъ Нзама; наивнымъ неграмъ казалось, что ружья восклицаютъ „типъ-типъ". Ливингстонъ пишетъ, однако, что побѣдитель Нзама, пересматривая захваченныя сокровища, воскликнулъ: „Теперь я называюсь „Типпу-Типъ",—собирающій богатства".

Тѣмъ не менѣе, происхожденіе прозвища остается невыясненнымъ, такъ какъ ни по арабски, ни на языкѣ суагели, онъ не имѣетъ приводимаго Ливингстономъ значенія. Весьма возможно, что негры прозвали такъ Хамеда-бенъ-Мохаммеда, вслѣдствіе присущаго ему перваго судорожнаго миганія.

Столь же дружелюбно, какъ и Ливингстона, принималъ Типпу-Типъ многихъ другихъ изслѣдователей Африки: Камерона, Висмана, Эмина-пашу и пр. Стэнли обязанъ ему значительною долею своего успѣха и славы. Но отношенія между ловкимъ американцемъ и арабскимъ шейхомъ скоро приняли другой характеръ.

Типпу-Типъ утверждаетъ, что Стэнли, которому онъ далъ проводниковъ, охрану и лодки, не заплатилъ ему условленной платы. Это, впрочемъ, далеко не единственное свидѣтельство, набрасывающее густую тѣнь на характеръ Стэнли. Впослѣдствіи, когда Стэнли поступилъ на службу къ компаніи, эксплуатировавшей Конго, въ сношеніяхъ съ которою состоялъ и Типпу-Типъ, отношенія между ними приняли явно враждебный характеръ. Вражда завершилась процессомъ, который Стэнли велъ противъ Типпу-Типа съ яростнымъ ожесточеніемъ. Цивилизованный хищникъ не могъ поладить съ хищникомъ первобытнымъ.

Solus.

Кавалерственныя дамы.

Супругѣ японскаго принца Арисугава, пріѣхавшаго въ качествѣ представителя микадо къ германскому двору, императоръ Вильгельмъ пожаловалъ медаль Краснаго Креста первой степени. Орденъ этотъ основанъ имъ же въ октябрѣ 1898 г. и имѣетъ три степени, которымъ соотвѣтствуютъ золотая, серебряная и бронзовая медали.

Курьезно, что поборники женской эмансипаціи радуются даже такому проявленію равноправія,—забывая, что новое вино слѣдуетъ вливать въ новые мѣхи, и что далеко не всякій внѣшній знакъ отличія соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ заслугамъ лица, украшеннаго имъ.

Дамы, впрочемъ, цѣнятъ ордена и съ точки зрѣнія декоративности, зная, что бальный туалетъ не мало выигрываетъ отъ такой отдѣлки.

Многіе экзотическіе ордена сопряжены и съ нѣкоторыми практическими выгодами. Такъ, напримѣръ, орденъ Сіамской Короны предоставляетъ право требовать значительное количество риса, количества этого впол-

*) На о. Цусима было въ то время русское поселеніе, а одинъ изъ заливовъ въ бухтѣ „Ташамура" назывался „по имени корвета „Посадникъ".

въ достаточно, чтобы утолять втеченіе всей жизни самый ненасытный апчетитъ отборнѣйшимъ „ризотто“. Еще курьезнѣе гавайскій орденъ короля Камеамеа I-го, подъ охраною котораго разрѣшено безвозбранно напиваться дважды въ сутки. Счастливые обладатели этого „знака отличія“, повидимому, даже съ гавайской точки зрѣнія, настолько злоупотребляли своимъ преимуществомъ, что орденъ Камеамеа, основанный пресловутымъ королемъ Калакауа, уже много лѣтъ не жалуется больше гавайцамъ. Обитателямъ Сандвичевыхъ острововъ приходится примириться съ необходимостью совершать свои возліянія веселому богу безъ спеціальнаго разрѣшенія, сопряженнаго съ необычайнымъ орденомъ.

На Западѣ женскіе ордена постепенно образовались изъ монашескихъ орденовъ. Первый изъ нихъ, орденъ „Дамъ Топора“, былъ учрежденъ барселонскимъ графомъ Рамономъ IV-ымъ, въ память защиты женщинами осажденнаго города Тортозы.

Многіе изъ дамскихъ орденовъ существовали очень недолго, какъ, напримѣръ, учрежденный шведскою королевою Христиной, по случаю маскараднаго бала, орденъ „Амаранта“, ордена „Рабынь добродѣтели“, „Вѣера“ и мн. др. Основанный въ 1668 г. вдовствующею австрійскою императрицей Элеонорой орденъ „Крестовой Звѣзды“ (Sternkreuzorden) до сихъ поръ считается однимъ изъ высшихъ знаковъ отличія для кавалерственныхъ дамъ. Его носятъ на черной шелковой лентѣ, у лѣваго плеча; орденъ состоитъ изъ двуглаваго орла, на которомъ прикрѣплены красный и, меньшій, золотой кресты, и на бѣломъ бантѣ надпись „Salus et gloria“ („Спасеніе и слава“). Во главѣ ордена состояла убитая австрійская императрица Елизавета; ей унаслѣдовала эрцгерцогиня Марія-Жозефа, сестра саксонскаго короля, вышедшая замужъ за брата нынѣшняго австрійскаго кронпринца. Орденъ можетъ быть жалуемъ только замужнимъ дамамъ, принадлежащимъ къ высшей аристократіи. Удостоиться его могутъ лишь дамы, насчитывающія въ своей генеалогіи, по меньшей мѣрѣ, восемь предковъ съ мужской и четырехъ съ материнской линіи. Такого рода происхожденіе, при помощи логическаго сальто-мортале, причисляется къ „личнымъ“ заслугамъ. Трагическая кончина императрицы Елизаветы ознаменована престарѣлымъ австрійскимъ монархомъ учрежденіемъ ордена „Елисаветы“, права на который предоставлены, главнымъ образомъ, дамамъ, пользовавшимся благоволеніемъ покойной императрицы. Въ ихъ числѣ состоитъ и фрейлина, на рукахъ которой скончалась 10 сентября 1898 г. жертва женевскаго покушенія.

Въ Пруссіи имѣется женскій орденъ, ограничивающійся всего однимъ экземпляромъ, который принадлежитъ въ настоящее время германской императрицѣ. Это—орденъ „Лебедя“, возобновленный королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV для его супруги, королевы Елизаветы; орденъ переходитъ по наслѣдству къ прусскимъ королевамъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV возродилъ въ 1843 г. этотъ старѣйшій изъ бранденбургскихъ орденовъ, основанный въ 1440 г. Фридрихомъ, по прозванію „Желѣзный зубъ“. Цѣпь этого символическаго украшенія состоитъ изъ орудій страстей Господнихъ, въ миніатюрѣ, пересыпанныхъ брилліантами. На внутренней сторонѣ ордена помѣщено заключенное въ скобы маленькое сердце изъ рубиновъ, намекающее своею весьма прозрачною аллегоріей на необходимость отречься отъ сердечной свободы, если носительница желаетъ быть достойной своего званія. Подъ цѣпью изображенъ ликъ Богоматери, къ которому прикрѣплено главное аллегорическое изображеніе лебедя, сдѣланное изъ серебра. Изображеніе это должно служить символомъ „чистоты“. Своеобразный „знакъ отличія“, какъ въ этихъ главныхъ своихъ частяхъ, такъ и въ другихъ мелкихъ подробностяхъ, проникнутъ средневѣковымъ духомъ ревнивой подозрительности. Въ 1814 г. прусскій король Вильгельмъ III счелъ необходимымъ поощрить и дѣйствительныя заслуги нѣмецкихъ женщинъ, отличившихся при уходѣ за ранеными, учрежденіемъ ордена „Луизы“. Орденъ этотъ жалуется и за благотворительную дѣятельность, безъ предварительной справки о числѣ „благородныхъ“ предковъ.

Изъ числа англійскихъ знаковъ отличія, ордена Викторіи и Альберта первой степени могутъ быть предоставляемы лишь супругамъ царствующихъ особъ или ихъ наслѣдниковъ. Видное мѣсто среди европейскихъ орденовъ занимаетъ и русскій орденъ св. Екатерины. Въ Португаліи учрежденъ въ 1801 г. женскій орденъ Изабеллы. Султанъ Абдулъ—Гамидъ основалъ въ 1878 г. дамскій орденъ Нишинъ-и-Шефактъ, имѣющій три степени.

Первыя двѣ степени украшены брилліантами. Многія изъ европейскихъ артистокъ получили это цѣнное украшеніе. Въ Германіи любящія декоративность артистки могутъ запастись золотыми или другими металлическими медалями на эффектныхъ лентахъ. Въ Кобургъ-Готѣ, Ангальтѣ, Альтенбургѣ, Саксенъ-Мейнингенѣ и въ др. мѣстностяхъ медали эти выдаются „за искусство и науку“,—но завистливыя дѣятельницы эстрады и кулисъ охотно смѣшиваютъ ихъ съ медалями „за земледѣліе и скотоводство“, когда эти знаки отличія предоставлены не имъ, а ихъ соперницамъ.

Французы за чрезвычайныя женскія заслуги даютъ, исключительно, орденъ Почетнаго Легіона.

Какъ пережитокъ исторической старины, внѣшніе знаки отличія пользуются донынѣ весьма жизненнымъ значеніемъ,—несмотря на то, что сплошь и рядомъ назначаются за выслугу лѣтъ, по занимаемому мѣсту, за происхожденіе и т. п.

Для полученія ихъ, честолюбивые люди обоего пола способны „пожертвовать“ весьма многимъ. Въ основѣ этого стремленія лежитъ пренебреженіе къ народной массѣ, къ большинству, изъ рядовъ котораго каждому лестно выдѣлиться хотя бы яркою ленточкой, костюмомъ или какимъ-либо внѣшнимъ признакомъ. Выдѣлиться дарованіями или заслугами, конечно, нѣсколько труднѣе; современная страсть къ рекламѣ исходитъ изъ того же, довольно мутнаго источника.

Послѣдняя дуэль въ Англіи.

Англія давно уже признала нелѣпость дуэли. Въ исторіи цивилизаціи отмѣчено, что поединки въ Англіи прекращены, благодаря энергическому воздѣйствію принца Альберта, супруга королевы Викторіи. Но воззрѣніе это страдаетъ поверхностью; законодательныя запрещенія не могли бы уничтожить варварскій обычай, если бы общество само не сознало его несостоятельности.

Дуэль ставитъ на одну доску обидчика и обиженнаго, умѣющаго владѣть оружіемъ и впервые взявшаго оружіе въ свои неопытныя руки. Кромѣ того, исходъ дуэли, каковъ бы онъ ни былъ, нисколько не разрѣшаетъ вопроса о правотѣ соперниковъ. Пережитокъ средневѣковья, дуэль утратила все свое значеніе съ упадкомъ вѣры въ непреложность испытанія оружіемъ. Въ Англіи дуэль уничтожена не какимъ-либо распоряженіемъ, а распространеніемъ правового сознанія въ обществѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ англичане убѣдились, что судъ ограждаетъ ихъ интересы съ полнымъ нелицепріятіемъ, среди нихъ не могло не исчезнуть всякое поползновеніе къ самосуду.

Послѣдняя дуэль въ Англіи произошла при условіяхъ, окончательно подорвавшихъ всякое уваженіе къ нелѣпому обычаю. Дуэль сдѣлалась смѣшною и была благополучно сдана въ архивъ человѣческихъ безразсудствъ и предразсудковъ.

Тридцатипятилѣтняя мистриссъ Спенсеръ, вдова и наслѣдница богатаго лондонскаго негоціанта, обручилась съ капитаномъ Примрозомъ, блестящимъ офицеромъ королевскаго конногвардейскаго полка.

Въ ожиданіи истеченія срока траура по покойному мужу, веселая вдовушка разъѣзжала со своимъ женихомъ по баламъ и спектаклямъ. Она не стѣснялась показываться съ нимъ всюду—до тѣхъ поръ, пока онъ не предпочелъ ея обществу посѣщеніе разныхъ засѣданій и клубовъ.

Мистриссъ Спенсеръ ничѣмъ не выказывала своего недовольства.

Олицетвореніе покладливости, она отвѣчала обыкновенно на довольно небрежныя извиненія жениха снисходительною улыбкой. Такой образъ дѣйствій съ ея стороны могъ бы внушить нѣкоторыя подозрѣнія менѣе самоувѣренному жениху, чѣмъ капитанъ Примрозъ. Но онъ и не подозрѣвалъ, что его будущая супруга ищетъ и находитъ „утѣшенія“ на сторонѣ.

Желая обновить обстановку своего дома, мистриссъ Спенсеръ, въ сопровожденіи жениха, усердно объѣзжала, въ первое время послѣ обрученія, лондонскіе магазины. Въ отдѣленіи ковровъ одной крупной фирмы ей приглянулся молодой приказчикъ, мистеръ Табль, —стройный блондинъ съ голубыми глазами.

Когда капитанъ Примрозъ сталъ обнаруживать все усиливающееся пристрастіе къ клубной жизни, богатая вдовушка продолжала осматривать ковры уже безъ его сообщества.

Приказчикъ не подозрѣвалъ чувствъ, возбужденныхъ имъ въ сердцѣ тароватой покупательницы. Она не замедлила дать ему урокъ сообразительности.

Однажды она пожаловалась въ магазинѣ, что ей дурно. Мистеръ Табль побѣжалъ за водою. Отхлебнувъ глотокъ, невѣста блестящаго гвардейскаго капитана объяснила, что ея женихъ уже двое сутокъ не возвращался къ себѣ на квартиру. Это такъ волнуетъ ее, что она готова заявить полиціи; но не мѣшало бы раньше освѣдомиться въ клубѣ или у знакомыхъ капитана Примроза. Дамѣ, однако, неудобно выполнить это одной, безъ сопровожденія...

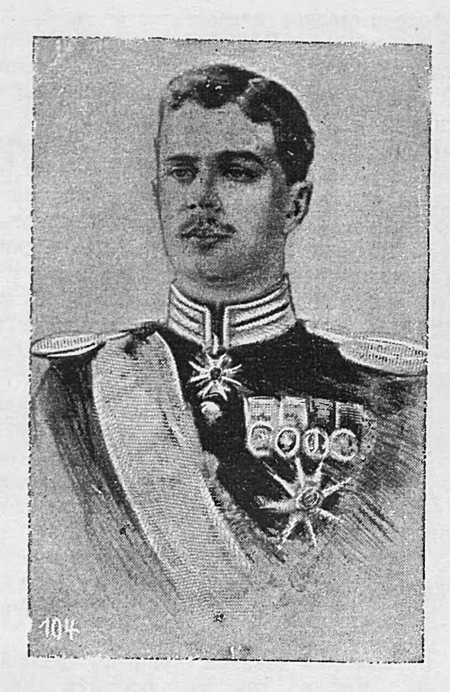
— Если вамъ угодно,—услужливо предложилъ мистеръ Табль, — я готовъ предложить свои услуги. Черезъ четверь часа магазинъ закрывается, и я буду свободенъ.

Мистриссъ Спенсеръ отнѣкивалась недолго. Полчаса спустя, она и ея новый кавалеръ наводили уже справку въ клубѣ. Оказалось, что капитана Примроза не видѣли тамъ уже двѣ недѣли. Такой же отвѣтъ дали и тѣ знакомые капитана, къ которымъ они затѣмъ обратились.

Коварная вдова выражала—на словахъ — полное отчаяніе. Взоры ея были, однако, краснорѣчивѣе словъ. Даже недогадливый приказчикъ сообразилъ, къ чему клонится это импровизированное слѣдствіе.

Обвиняемый былъ осужденъ —и безапелляціонно.

Новобрачные

Принцесса Маргарита Коннаутская, будущая королева шведская.

Шведскій принцъ Густавъ-Адольфъ.

Съ рисунка Вельмогерста, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Поужинавъ съ податливой вдовой въ ресторанѣ, мистеръ Табль задумалъ завершить вечеръ въ одномъ увеселительномъ заведеніи, гдѣ имѣлись закрытыя ложи. Онъ увѣрилъ свою спутницу, что тамъ она не рискуетъ быть замѣченной никѣмъ изъ знакомыхъ.

Хорошо ознакомленный съ помѣщеніемъ кафе-шантана, мистеръ Табль проскользнулъ съ своей дамой въ корридоръ и открылъ дверь одной изъ ложъ. Каково же было его изумленіе, когда передъ нимъ очутился самъ капитанъ Примрозъ, съ дамою подъ руку, въ этотъ именно злополучный моментъ покидавшій ложу!

Мистриссъ Спенсеръ не успѣла скрыться... Наступило зловѣщее молчаніе. Наконецъ, капитанъ воскликнулъ:

— Позвольте васъ спросить, сударыня, какимъ образомъ попали вы сюда въ столь позднее время, да еще въ сопровожденіи какого-то кавалера?

Мистриссъ Спенсеръ не смутилась.

— Позвольте васъ спросить, въ свою очередь, капитанъ, — возразила она, — гдѣ вы пропадали двѣ недѣли и почему въ клубѣ не могли дать относительно васъ никакихъ указаній? И какимъ образомъ эта дама...

— Я полагаю, что дальнѣйшія пререканія между нами излишни,—перебилъ капитанъ.— Мнѣ остается лишь обмѣняться нѣсколькими словами съ вашимъ спутникомъ.

Отведя въ сторону мистера Табля, капитанъ шепнулъ ему:

— Дайте мнѣ вашу визитную карточку. Завтра утромъ я пришлю къ вамъ моихъ секундантовъ.

— Очень пріятно,—отвѣтилъ злополучный приказчикъ, едва сознавая отъ страха, на что онъ соглашается.

Распростившись съ мистриссъ Спенсеръ, онъ поспѣшилъ къ одному изъ своихъ пріятелей, чтобы разсказать ему, въ какую исторію онъ впутался. Мистеръ Табль надѣялся, что пріятель отговоритъ его отъ дуэли. Но разсказъ его произвелъ такой поразительный эффектъ, его отвага была встрѣчена столь восторженно, что далѣе пришлось поневолѣ поддерживать репутацію отъявленнаго дуэлиста. Тотчасъ же выискалось двое услужливыхъ пріятелей, съ восторгомъ вызвавшихся сыграть роль заправскихъ секундантовъ.

Одинъ изъ секундантовъ, также приказчикъ, по имени Ричардъ Кемпбель, жилъ вмѣстѣ съ мистеромъ Таблемъ. Послѣдній не имѣлъ отъ него никакихъ тайнъ. Возвращаясь домой, соперникъ капитана спросилъ друга не безъ нѣкоторой дрожи въ голосѣ:

— Ричардъ, неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, допустишь, чтобы меня подстрѣлили?

— Меня это огорчило бы, но какъ я могу не допустить этого?

— Очень просто. Позаботься, чтобы пистолеты были заряжены холостымъ выстрѣломъ. Тебѣ, какъ секунданту, не трудно вынуть пули. Обѣщай мнѣ сдѣлать это?

— Обѣщаю,—отвѣтилъ Ричардъ и крѣпко пожалъ руку утѣшенному пріятелю.

Наступило утро дуэли. Соперники встрѣтились. Капитанъ Примрозъ не могъ преодолѣть нѣкотораго волненія; между тѣмъ мистеръ Табль выглядѣлъ свѣжимъ и невозмутимымъ.

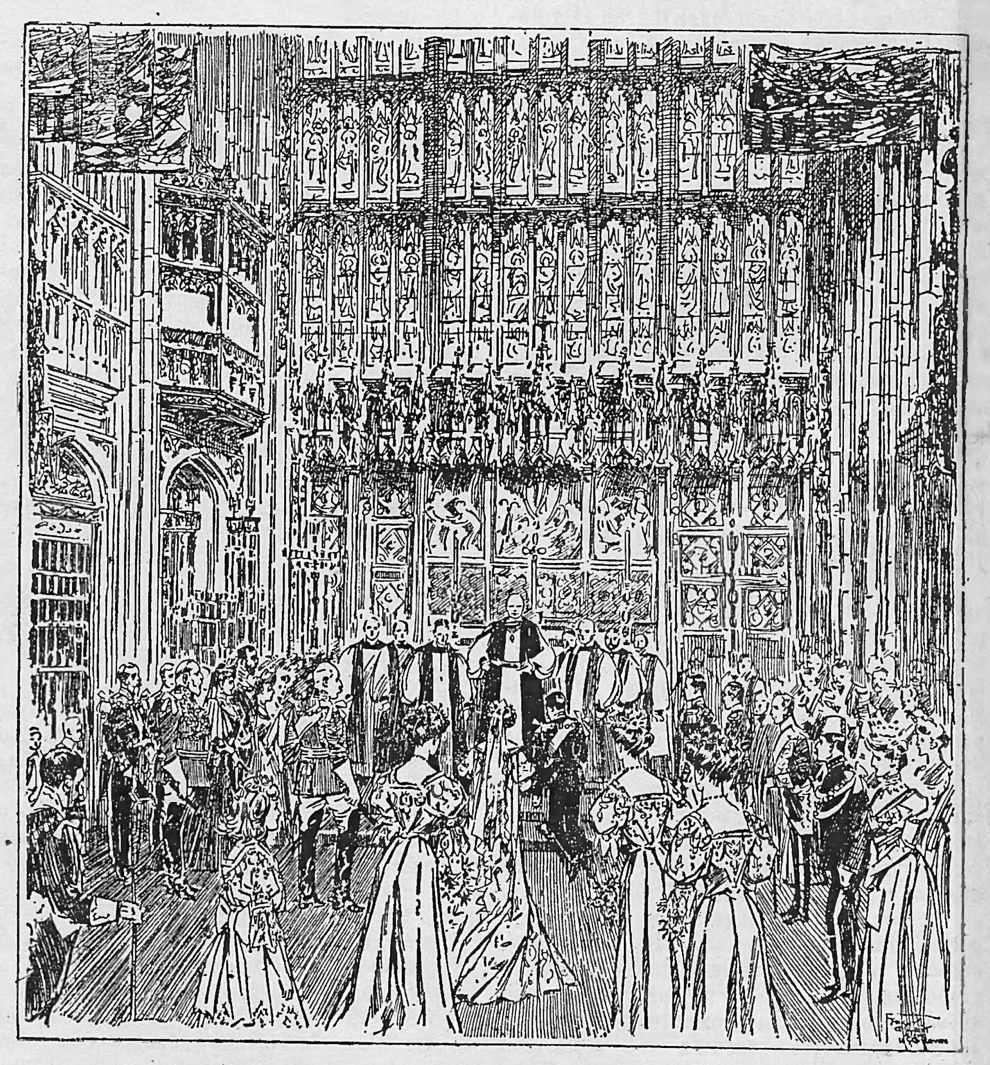
— Пистолеты не заряжены пулями?—спросилъ онъ украдкой у Ричарда.

— Нѣтъ,—конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ секундантъ, поспѣшно удаляясь.

Въ дѣйствительности, однако, ему вовсе не удалось удалить пули изъ пистолетовъ. Онъ не рѣшился, однако, предупредить Табля, опасаясь, что послѣдній откажется стрѣлять и осрамитъ не только себя, но и своихъ секундантовъ.

Капитану, какъ обиженному, принадлежалъ первый выстрѣлъ. Онъ промахнулся. Отвѣтный выстрѣлъ приказчика также не попалъ въ цѣль. Вторая пуля капитана оцарапала губы мистеру Таблю. Увѣренный, что въ пистолетахъ нѣтъ пуль, онъ даже не замѣтилъ своей царапины. Слѣдующій выстрѣлъ его ранилъ, однако, капитана въ руку настолько чувствительно, что секунданты признали дуэль законченной.

Всѣ присутствовавшіе выражали удивленіе невозмутимому хладнокровію мистера Табля.

Бракосочетаніе шведскаго принца Густава-Адольфа и принцессы Маргариты Коннаутской въ капеллѣ св. Георга въ Лондонѣ.

Христіанъ Михельсонъ,
глава новаго норвежскаго правительства.

Снятіе печатей съ старообрядческаго алтаря на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ.
Съ наброска корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Молодой человѣкъ сіялъ отъ удовольствія.

— Позвольте вамъ помочь, однако—замѣтилъ докторъ,—ваша губа окрававлена, пуля слегка оцарапала васъ.

— Какъ?—воскликнулъ, внѣ себя отъ ужаса, мистеръ Табль,—пистолеты были заряжены настоящими пулями?

Не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ всплеснулъ руками и повалился безъ чувствъ.

Газеты не пощадили обоихъ участниковъ курьезной дуэли. Мистеру Таблю, прославившемуся на весь Лондонъ, пришлось, во избѣжаніе непрестанныхъ насмѣшекъ, отказаться отъ своего мѣста въ складѣ ковровъ.

Мистриссъ Спенсеръ вознаградила его, предоставивъ ему свою руку—и богатое приданое.

Что сталось съ капитаномъ Примрозомъ,—неизвѣстно; надо полагать, что онъ нашелъ себѣ другую вдовушку съ еще лучшимъ состояніемъ.

Но дуэлировать больше ему не пришлось.

Съ тѣхъ поръ въ Англіи не было ни одной дуэли.

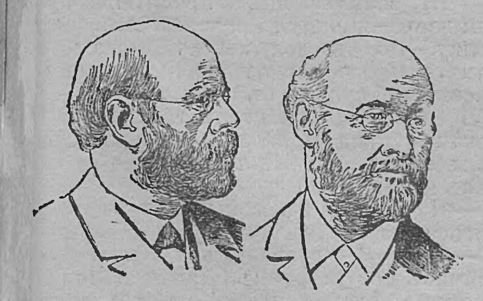

Отравители дѣтей.

Въ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ давно уже внесенъ законопроектъ противъ фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ. Надежды, возлагавшіяся на этотъ билль, не оправдались, однако, въ истекшую законодательную сессію. Въ вашингтонскомъ сенатѣ образовалась вліятельная партія, подкупленная лицами, интересамъ которыхъ угрожаетъ законъ противъ фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ. Алчные американскіе торгаши не щадятъ усилій, чтобы все осталось по прежнему. Между тѣмъ, общественныя гигіеническія условія вопіютъ о безотлагательной реформѣ. Желудочный катарръ стали называть американскою національною болѣзнью. Никто не удивится этому, ознакомившись съ результатами химическаго изслѣдованія общераспространенныхъ пищевыхъ продуктовъ въ странѣ разорительныхъ для народа „трестовъ", при помощи которыхъ стакнувшіеся промышленники беззастѣнчиво обираютъ всю націю. Завѣдующій нью-іоркскою городскою химическою лабораторіей, д-ръ Wiley, обнаружилъ, что не менѣе 85% всего потребляемаго количества виски совершенно фальсифицировано. Во многихъ бутылкахъ вина оказалась поддѣльная бурда, не имѣющаго никакого сходства съ виноградным сокомъ. Пиво изготовляютъ изъ глюкоза, обработаннаго сѣрною кислотою. Въ рыбныхъ и мясныхъ консервахъ часто развиваются органическіе яды, птомаины; кофе на 42% состоитъ изъ древесины, что же касается до остальной части его состава, то, въ шести случаяхъ изъ десяти произведенныхъ пробъ, была обнаружена смѣсь изъ небольшого количества кофе, нѣсколько большаго количества цикорія, поджаренныхъ бобовъ, гороха, моркови, петрушки и другихъ овощей. Конфекты и сиропы для содовой воды окрашиваются анилиновыми и другими вредными для здоровья красками; въ сахаръ подмѣшиваютъ мѣлъ, въ муку—всевозможныя ядовитыя вещества и т. д.

Секретарь государственнаго санитарнаго управленія въ штатѣ Индіана, присутствуя на состоявшемся недавно въ Нью-Іоркѣ съѣздѣ инспекторовъ, надзирающихъ за торговлею пищевыми продуктами, заявилъ, что 65%, т. е. почти двѣ трети, всего количества дѣтей, умершихъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1904 г., погибли вслѣдствіе питанія отравленными или фальсифицированными продуктами. Не менѣе 455,000 дѣтей, большею частью въ возрастѣ, не превышающемъ одного года, пали жертвами преступнаго поддѣлыванія пищевыхъ припасовъ, главнымъ образомъ, молока.

Сенсаціонное заявленіе этого оффиціальнаго лица было подтверждено заявленіями многихъ гигіенистовъ-экспертовъ, въ томъ числѣ

Левландъ, новый норвежскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Карлъ Бернеръ, президентъ норвежскаго стортинга.

Къ норвежскому кризису.

Къ путешествію испанскаго короля.—Королевская свита во время утренней уборки.

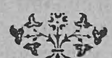
Утромъ, незадолго до прибытія къ мѣсту назначенія, поѣздъ останавливается среди поля и всѣ члены свиты энергично принимаются за свой туалетъ, чтобы прибыть въ приличномъ видѣ къ мѣсту, гдѣ приготовлена торжественная встрѣча.

Съ наброска корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

нью-іоркскимъ санитарнымъ совѣтникомъ, д-ромъ Дарлингтономъ, хотя онъ и затруднялся опредѣлить точныя цифры.

Всѣ авторитетные знатоки пищевой гигіены утверждаютъ, что молоко очень часто подкрашивается формальдегидомъ, чтобы не было замѣтно, что съ цѣльнаго молока сняты сливки. Такая примѣсь, всегда вредная для здоровья грудныхъ дѣтей, нерѣдко совершенно отравляетъ ихъ. Разслѣдованіе молочнаго хозяйства на фермахъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Нью-Іорка, иногда даже въ разстояніи ста миль отъ огромнаго города,— дало поразительные результаты. Производившіе разслѣдованіе нью-іоркскіе городскіе санитарные инспекторы пришли въ ужасъ отъ грязи, въ которой утопаютъ эти разсадники дѣтской заразы. Помѣщенія, утварь, колодцы, всякаго рода аппараты,—все кишитъ миріадами зловредныхъ бактерій. Отчаянное санитарное состояніе этихъ спекулятивныхъ учрежденій требуетъ самаго энергичнаго вмѣшательства законодательной власти.

Снабженіе продуктовъ печатями докторовъ или свидѣтельствами химиковъ также оказалось несостоятельнымъ: эти печати и свидѣтельства стоютъ денегъ, которыя, въ концѣ концовъ, приходится уплачивать тѣмъ же злополучнымъ потребителямъ.

Сказанія черной расы.

Сравнительно съ арійцами, представители черной расы, племена центральной Африки, негры, каффры, бушмены и другіе, имъ близкіе, находятся на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія, какъ бы въ младенческомъ возрастѣ.

Такова у нихъ и литература, если только можно этимъ именемъ назвать изустный сводъ сказокъ, легендъ, эпическихъ преданій и басенъ, словомъ, всего того, что въ средѣ болѣе развитыхъ и образованныхъ народовъ и племенъ — принадлежитъ къ области „дѣтской" литературы".

Оно и понятно: юность отдѣльныхъ групп и людей, имѣетъ сходство съ состояніемъ „дикихъ" расъ, которыя являются какъ бы дѣтьми въ общей семьѣ человѣческой, населяющей нашу планету.

Вѣрованія дикарей, такія ясныя и понятныя для нихъ самихъ, для дикаго, смутнаго ихъ самосознанія — развитому европейцу кажутся предразсудками, порожденными безпомощнымъ страхомъ дикаря передъ непонятной природой и ея грозными явленіями.

Боги кафра, или даже невѣдомый „богъ"—индуса—для мыслящаго, вооруженнаго познаніемъ европейца—кажется шаткимъ созданіемъ человѣческаго вымысла, создающаго своихъ боговъ по образу-подобію своему, и по образцу своихъ личныхъ добродѣтелей и пороковъ.

Герои сказокъ и басенъ у дикарей, всѣ эти львы, шакалы, кролики и лисицы—развѣ это не художественные, хотя и преувеличенно—разрисованные портреты тѣхъ же авторовъ своей родной, изустной литературы, и всѣхъ, кто окружаетъ ихъ?..

Если „стиль—выражаетъ душу человѣка",—то вся литература, вообще, прямая выразительница народной души, народнаго характера и самосознанія. Это непреложная истина.

Чтобы непосредственно познакомить читателя съ характеромъ негритянскихъ сказокъ и басенъ,—предлагаемъ нѣсколько ихъ въ переводѣ, очень близкомъ къ наивному подлиннику.

„Левъ и Шакалъ — товарищи".

Левъ, утомленный отъ быстраго бѣга, положилъ подлѣ себя теленка, котораго вырвалъ изъ стада и влекъ домой, а самъ прилегъ подъ тѣнью высокой скалы и отдыхалъ.

Шакалъ все время бѣжалъ по кровавому слѣду, подлизывалъ теплую кровь и теперь робко остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ царя звѣрей.

— Дядя, что я вамъ хочу предложить!— робко протявкалъ шакалъ, умильно склонивъ остромордую голову и поднявъ лапку.

— Ну, что? — пробурчалъ усталый, но довольный охотой, левъ.

— А я позову свою старую дуру — жену... Мы вдвоемъ стащимъ этого славненькаго, жирнаго теленочка прямо къ вашей пещерѣ, милый дядя... Ну, въ награду вы что-нибудь дадите намъ и нашимъ дѣтямъ... Требушины, или чего тамъ, что сами не станете ѣсть... Намъ все пригодится... А ваши львята скорѣй получатъ такой жирный кусокъ. И вы сами безъ ноши, спокойно дойдете домой... Меньше устанете, завтра съ большей силой соберетесь на охоту.

— Зови.. несите.. Намъ не жалко объѣдковъ для такой бѣдноты и мелкоты, какъ голодная семья шакаловъ! — милостиво согласился левъ.

Шакалъ завизжалъ отъ удовольствія и радости, скрылся на минуту — и скоро вернулся со своей шакалкой, которая ждала вблизи, между каменьями. Голодные шакалята бѣжали сзади. Всѣ они ухватились за тушу теленка и кое-какъ поволокли ее, а левъ важно шелъ сзади, изрѣдка въ трудныхъ мѣстахъ помогая усердной и хлопотливой семьѣ.

Дома, подѣливъ добычу между собой, львицей и львятами, — левъ кинулъ теплую телячью требуху и голову съ ногами семьѣ шакала.

Тѣ такъ и вгрызлись въ теплую, вкусную ѣду...

Еще раза два шакалъ, нарочно подстерегая на охотѣ льва, – оказалъ ему такую же услугу и, наконецъ, предложилъ:

— Дядя! Скоро настанетъ пора дождей. Стада загонятъ въ крѣпкіе краали. Дичь укроется, кто гдѣ можетъ... На эту пору надо запасать побольше добычи. Не хотите-ли, станемъ охотиться вмѣстѣ. То есть, вы будете ловить добычу. А я съ женой подберу каждое убитое вами животное и отнесу въ особую пещеру. Лучшую часть—сейчасъ же передамъ почтенной тетенькѣ—львицѣ и вашимъ уважаемымъ львятамъ. А остальное, когда настанетъ дождливая пора — вы сами подѣлите, какъ захотите, между нами обоими. Я наварю и нажарю всего вдоволь. Хватитъ хоть на годъ, если только ваша охота будетъ удачна.

Левъ согласился. Ему казалось это удобнѣе, чѣмъ каждую антилопу, каждаго быка таскать къ себѣ въ пещеру, за много тысячъ шаговъ.

Охота удалась на славу. Не имѣя надобности возвращаться къ семьѣ,—левъ все дальше и дальше уходилъ, гоняясь за стадами овецъ и за дикими стаями антилопъ, жирафъ и козъ.

Уже давно, по расчетамъ льва, запасъ мяса превышалъ количество, какое нужно было семьѣ его и семьѣ шакала на все дождливое, холодное время.

Но страсть охотника не давала льву остановиться.

А семья шакала такъ и бѣжала за львомъ, исправно подбирая и унося мелкую добычу. Что покрупнѣе — левъ разрывалъ на части и этимъ помогалъ своему подручному „племяннику" выполнять работу.

Наконецъ, захотѣлось льву домой.

Каково же было его удивленіе и ужасъ, когда онъ увидалъ всю свою семью худой, истощенной, почти издыхающей отъ голода.

— Проклятый шакалъ!—завыла львица. Онъ обманулъ тебя. Намъ его подлая жена приносила жалкіе объѣдки и кости, увѣряя, что охота твоя совсѣмъ неудачна. Я сама не могла оставить дѣтенышей... И вотъ, до чего мы дошли... Только изрѣдка попадалась мнѣ овца, забѣжавшая изъ стада, или теленокъ, отставшій отъ буйволицы. Этимъ я и поддерживала себя и малютокъ... А подлая шакалка такъ и лоснится отъ жиру! Шакалята ея, которыхъ я видѣла издалека, — похожи на комочки пуху и жиру! Вотъ, на чью семью ты охотился, о левъ!

Какъ отдаленный громъ, прозвучало раздраженное рычаніе льва.

— Я разнесу по крупицамъ гадкое тѣло этого коварнаго предателя! Я сейчасъ-же сыщу его! Онъ и все гнѣздо его погибнетъ!

И, не принявъ пищи, левъ, съ кровавыми глазами, хлеща себя хвостомъ по ребрамъ, кинулся искать шакала.

А тотъ ужъ приготовился ко всему. На высокой вершинѣ отвѣснаго утеса, куда вела едва замѣтная тропинка, совершенно непроходимая для такого крупнаго звѣря, какъ левъ, шакалъ устроилъ свое жилище, собралъ всѣ запасы, какіе оказались у него послѣ „совмѣстной" охоты со львомъ, наготовилъ и настряпалъ ѣды не на одну пору дождей, а на полныхъ два года—и сталъ ждать.

Завидя скачущаго льва, шакалъ показался на вершинѣ и громко крикнулъ внизъ:

— Съ хорошей утренней росой, дядя! Да пошлетъ тебѣ старый небесный слонъ овечку на завтракъ. Кудо такъ спѣшишь?.. Зайди къ намъ, отдохни, милый дядя!..

— „Дядя"!.. Ты смѣешь, зловонное животное, звать меня дядей, послѣ того, что безстыдно и низко обманулъ меня, едва не уморилъ голодомъ всю мою семью?!.. О, предатель!

Шакалъ невольно содрогнулся отъ громового рева льва, но сейчасъ же жалобно завизжалъ:

— Охъ, дядя! Милый дядя!.. Я и самъ ничего не зналъ... Я поручилъ все моей старой вѣдьмѣ—женѣ... А она.. Вотъ же тебѣ, жадная бестія!..

Тукъ... тукъ... трахъ-та-ра-рахъ!.. Такъ и посыпались сильные удары палкой, долетая до слуха Льва.

Это шакалъ колотилъ палкой по высохшей буйволовой шкурѣ, а его жена пронзительно визжала, какъ будто каждый ударъ сокрушалъ ей ребра, и вопила:

— Не буду, муженекъ, никогда больше не буду!

Жалобный вой шакалятъ слился съ визгомъ матери.

— Старая негритянка! Поганая тварь! Это твоихъ рукъ дѣло!—кричалъ шакалъ, колотя по кожѣ, вмѣсто жены.—Я тебя до смерти теперь заколочу!.. Убью.., убью... убью и не пожалѣю!..

Льву, наконецъ, жалко стало. Вопли шакалки и звѣрятъ, тамъ, наверху, растрогали его благородное сердце.

— Брось ты ее... Оставь... Довольно!— попросилъ онъ шакала.

— Ну, если вы дядя, просите! Только для васъ!—крикнулъ шакалъ и бросилъ палку.—Но вы должны пожаловать къ намъ, выбрать все лучшее, что тутъ запасено и откушать съ нами...

Левъ сейчасъ же сталъ взбираться на почти отвѣсную скалу, обрывался, падалъ внизъ, измучился и глухо прорычалъ наконецъ:

— Я не кошка и не шакалъ, чтобы карабкаться по такимъ крутизнамъ. Не могу.

— Пустое! — возразилъ шакалъ. — Мы сейчасъ все устроимъ. Давай ремни подлиннѣе, старая кляча!—крикнулъ онъ женѣ.

Ремни были связаны и опущены внизъ. Левъ ухватился за конецъ ремня, а семья шакала стала изо всѣхъ силъ тянуть вверхъ своего грознаго гостя.

Уже левъ былъ въ половинѣ утеса

Вдругъ ремень, ловко подрѣзанный шакаломъ, оборвался и „дядя“, съ громкимъ ревомъ полетѣвъ внизъ, сильно расшибся.

— О, горе, горе мнѣ!—завопилъ снова шакалъ.—Ты опять, старая корга, подвела меня! Подала ремень, такой же сухой и старый, какъ твоя кожа!.. Вотъ же тебѣ! Вотъ! Вотъ!..

Снова загремѣла палка по сухой шкурѣ, завыла шакалка, завизжали дѣти...

— Брось... Довольно!—кряхтя отозвался левъ.—Ты ее заколотишь. Я не такъ ужъ расшибся.

— Ну, если не такъ, я брошу другой ремень, покрѣпче, самый свѣжій... И теперь мы увидимъ васъ, дядя, у себя въ гостяхъ!—сказалъ шакалъ.

Былъ спущенъ внизъ широкій ремень изъ кожи стараго буйвола. Ремень надежный.

Съ утеса неслись ароматы жирныхъ кушаній, изготовленныхъ изъ отборнаго мяса. Левъ подумалъ, ухватился за ремень и снова его стали поднимать вверхъ.

Вотъ ужъ видна вершина утеса. Оттуда такъ вкусно пахнетъ... Вдругъ ремень снова былъ перерѣзанъ хитрымъ грабителемъ шакаломъ, и повелитель звѣрей, упавъ съ большой высоты, разбился и потерялъ сознаніе.

Когда онъ пришелъ въ себя, шакалъ снова жалобно застоналъ.

— Ай, ай, ай! — визжалъ онъ. — Какое горе!.. Видно не суждено намъ видѣть у себя въ гостяхъ дорогого „дядю“! Что дѣлать... Жену свою я придушилъ за ея коварство... А вамъ не угодно ли съѣсть кусочекъ грудинки жирафа въ соку, или косули въ жиру? Я брошу вамъ внизъ, если ужъ не могу поднять васъ наверхъ...

Левъ, голодный, измученный, тихо прорычалъ:

— Чего-нибудь... Дай проглотить кусочекъ... Я теряю силы... Я такъ проголодался...

— Сейчасъ, сейчасъ... Ловите дядя!—крикнулъ шакалъ...

Что то красное, вкусно пахнущее мелькнуло въ воздухѣ и попало прямо въ раскрытую пасть льву... Онъ проглотилъ, страшно заревѣлъ, забился отъ боли, вытянулся, и его не стало.

Шакалъ кинулъ не кусокъ мяса, а простой камень, раскаленный до красна и обернутый кусками поджареннаго мяса.

Какъ только хитрый слуга и „племянникъ“ увидалъ, что левъ мертвъ, онъ со всей семьей спустился со скалы, затѣялъ веселую пляску вокругъ погибшаго и затѣмъ, содравъ шкуру со своего благодѣтеля, тушу льва присоединилъ ко всѣмъ остальнымъ запасамъ, собраннымъ въ разбойничьей берлогѣ на скалѣ.

———

Рядомъ съ этой, полной юмора, сатирой на „животныхъ“, или на людей,—какъ ее понять?—очень красиво звучитъ:

Легенда о „Богѣ и его потерянныхъ дѣтяхъ“.

„У создателя вселенной, великаго стараго Духа, у Бога, правящаго міромъ, было два сына.

Въ сопровожденіи двухъ своихъ нянекъ, спустились эти сыновья, Ракоріаго и Равао, поглядѣть, что дѣлается на землѣ, гдѣ въ особомъ раю, не зная поры дождей, не зная трудовъ и войны, жили дружно всѣ люди и звѣри, какъ въ раю. И когда пришли эти юноши на землю, полюбило ихъ все живое и неживое на землѣ, такъ какъ они несли всѣмъ веселье и радость.

Но, вотъ, однажды, подойдя къ берегу океана, юноши пошли по его волнамъ, играя съ рыбами, толпою плывущими по ихъ слѣдамъ, забавляясь съ птицами, которыя стаями носились надъ головой двухъ отроковъ.

Настала бурная ночь. Рыбы ушли на дно, птицы разлетѣлись по теплымъ своимъ гнѣздамъ. Тучи, игравшія въ небѣ и сверкавшія молніями, пролились въ море шумнымъ дождемъ. А когда взошло солнце, никто нигдѣ не видалъ больше двухъ божественныхъ юношей.

Опечалился весь міръ!

Няньки юношей кинулись искать ихъ. Все живое: люди, птицы, звѣри всѣ стали разыскивать юношей!.. Деревья, кусты, камни двинулись тоже на розыски. Долго искали

Наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ, истощивъ свои силы, все живое и неживое обратилось къ старому Духу, творцу вселенной и стало молить:

— Мы утомились! Укажи, гдѣ намъ искать твоихъ сыновей? Гдѣ наша радость? Гдѣ наше счастье?.. Мы не можемъ больше бродить. А безъ нихъ тоже намъ тяжело.

— Оставайтесь тамъ, гдѣ каждый изъ васъ теперь находится!—произнесъ старый великій Духъ, творецъ вселенной.—Сыновья мои вездѣ и нигдѣ. Повсюду съ вами ваша радость и ваше счастье. Оставайтесь на мѣстѣ и тамъ ищите того, что вамъ надо, ищите въ самихъ себѣ!

Исполнилось слово могучаго.

Люди, разсѣянные въ поискахъ по всей обширной землѣ, тамъ и остались, гдѣ кому пришлось. Животныя и камни, зарывшіеся въ землю, чтобы тамъ поискать юношей, такъ залегли въ темныхъ нѣдрахъ матери земли. Кроты, черви, змѣи, всѣ они рѣдко выходятъ на поверхность. Камни только рукой человѣка выносятся на свѣтъ. Деревья на половину успѣвшія врыться въ землю, такъ и застряли въ ней корнями.

Только вода, на которой въ послѣдній разъ видѣли юношей, вода, съ лица которой они исчезли, вода, которая осталась молчаливой и не сказала, куда ушли божественные, она осуждена вѣчно колыхаться, быть въ движеніи, не знать покоя до самаго окончанія вѣковъ.

———

А вотъ подлинная африканская побасенка, напоминающая анекдоты, распространенныя на западныхъ окраинахъ, среди еврейскаго населенія:

Обезьяна, встрѣтя зайца, презрительно замѣтила:

— Вотъ глупая привычка: вѣчно трусливо озираться кругомъ, хотя бы на пять верстъ и не видно было никакого врага.

— Не лучше и твоя манера,—отвѣчалъ заяцъ: — вѣчно почесываться и скрести свою шкуру, хотя бы она была чиста и вымыта въ горячей водѣ до послѣдней возможности. Воздержись отъ скверной привычки!

— Что же, я могу. А вотъ, ты попробуй посидѣть спокойно и не озираться! Я и погляжу тогда.

— Я могу цѣлый день отъ восхода до заката солнца ни разу не оглянуться, если на то пойдетъ, А вотъ ты сможешь-ли?..

Обезьяна только презрительно улыбнулась.

Наконецъ, они сговорились, на разсвѣтѣ собрались въ одномъ укромномъ уголкѣ, сѣли другъ противъ друга и замерли.

Заяцъ опустилъ глаза въ землю, стараясь даже не мигать ими. Обезьяна сжала лапки въ кулачки, сложила ихъ на груди и такъ застыла.

Долго сидѣли оба звѣрька. Вотъ ужъ и полдень.

Обезьянѣ первой стало не въ терпежъ, хотя она чисто вымыла и выискала наканунѣ всю свою шкурку.

— Послушай, заяцъ!—заговорила она:—разскажу я тебѣ, какимъ опасностямъ подвергалась я на-дняхъ. Вышла, а вдали показались охотники. И давай пускать въ меня стрѣлы. Много стрѣлъ. Но только все издали. Стрѣлы едва-едва касались меня. А всетаки уколы и теперь я чую... И здѣсь!—указала она пальцемъ и въ тоже время быстро поскребла по шкуркѣ,—и здѣсь... и тутъ... и тамъ...

Палецъ такъ и мелькалъ, указывая мѣста, куда попадали стрѣлы. И быстро почесывалась при этомъ обезьяна.

Не вытерпѣлъ и заяцъ.

— Подумаешь! — отвѣчалъ онъ:—охотники! Издалека стрѣляли!.. А меня разъ облавой обошли. Какъ ужъ я и спасся!.. Вездѣ, куда ни погляжу, вездѣ были. И тамъ... и на востокѣ... и на западѣ... и на сѣверо-востокѣ, и на юго-западѣ,—бросая быстрые взгляды во всѣ стороны, говорилъ заяцъ.

Такъ оба и не уступили другъ другу, а каждый всетаки поступилъ, какъ требовала его натура.

———

Пословицы и поговорки кафровъ похожи на изреченія народной мудрости у арійцевъ и у другихъ расъ. Вотъ нѣкоторыя изъ поговорокъ:

„Торопливость къ цѣли не ведетъ!“ (Тише ѣдешь). „Въ борьбѣ двухъ слоновъ—гибнетъ трава“ (Паны дерутся, у хлоповъ чубы трещатъ). „Нѣтъ такой заботы, которая являлась бы безъ подруги!“ (Пришла бѣда, растворяй ворота. Бѣда одна ходитъ!). „Три и снова три, веревкой камень перетрешь!“ (Капля долбитъ камень). „Убиваетъ не рычащій, а молчаливый левъ“ (Какая собака лаетъ, та не кусаетъ). „Пусть говорятъ о васъ люди. Ихъ толки и днемъ и ночью не сдвинутъ пылинки съ мѣста“ (Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ) и т. д.

ПОЧТА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

Бюджетъ почтоваго вѣдомства въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки составилъ въ прошломъ году 143.582.624 дол., превысивъ доходы на 8.799.492 дол. Дефицитъ покрывается изъ общегосударственныхъ средствъ. Вообще, расходы на почтовое дѣло въ Соединенныхъ Штатахъ давно уже превышаютъ получаемые отъ него доходы, но правительство считаетъ это совершенно въ порядкѣ вещей, исходя изъ взгляда, что почта и не должна быть статьей государственнаго дохода, а наоборотъ, государство обязано содержать въ образцовомъ порядкѣ эту часть, столь важную для всѣхъ интересовъ гражданъ. Въ Штатахъ теперь 71.131 почтовыхъ бюро. За прошлый годъ почтой было доставлено 9 милліардовъ отправленій (включая сюда и посылки)

Деревня шахматистовъ.

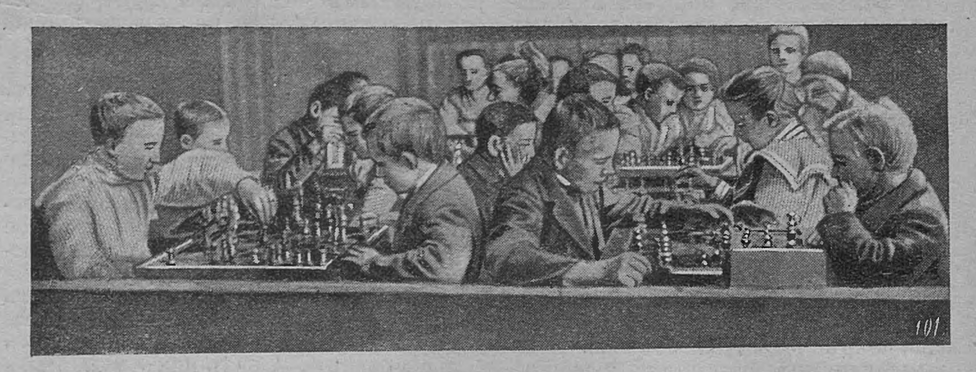
Русскій „квасной патріотизмъ“ относится съ пренебреженіемъ къ „гнилому Западу“,—почти къ такимъ же пренебреженіемъ, съ какимъ до пораженій подъ Ляояномъ и Мукденомъ обзывали японцевъ „макаками“. Между тѣмъ, какъ не достижима еще для насъ народная европейская культура.

Съ однимъ изъ ея чудесъ знакомитъ нашъ рисунокъ, изображающій школьную молодежь въ деревушкѣ Штребекъ. Весь классъ, дѣвочки и мальчики, углубился въ соображенія надъ шахматной доскою. Даже въ просвѣщенной Германіи Штребекъ представляетъ рѣдкое, исключительное явленіе. Селеніе это расположено неподалеку отъ города Гальберштадта и издавна славится пристрастіемъ своихъ жителей къ шахматной игрѣ. Пристрастіе это отразилось и на обстановкѣ, среди которой живутъ крестьяне—шахматисты. Въ Штребекѣ выработался свой шахматный стиль, отразившійся, какъ въ архитектурной орнаментикѣ, такъ и въ украшеніяхъ домашней утвари: столы въ частныхъ домахъ и въ ресторанахъ обязательно снабжены шахматными досками.

Мѣстные жители приписываютъ своему влеченію къ шахматной доскѣ весьма древнее происхожденіе. Въ 1011 г. по словамъ легенды, которую считаютъ въ Штребекѣ исторической, въ одну изъ башенъ замка, сохранившуюся донынѣ, былъ посаженъ вождь вендовъ, князь Гуннелинъ,

Гамедъ бенъ-Мохаммедъ, по прозвищу Типпу-Типъ,
знаменитый торговецъ неграми и слоновой костью въ Занзибарѣ. (См. стр. 162).

Деревня шахматистовъ.—Обученіе дѣтей въ школѣ.

взятый въ плѣнъ епископомъ Арнольдомъ Гальберштадтскимъ. Въ тѣ баснословныя времена епископы называли себя „воинствующими" вовсе не въ аллегорическомъ смыслѣ. Графъ Гуннелинъ скучалъ въ своей башнѣ,—не подозрѣвая, что подготовляетъ изъ нея историческую достопримѣчательность. Въ видѣ развлеченія, онъ изготовилъ собственноручно шахматную доску и вырѣзалъ фигуры. Сторожа оказались понятливыми,—быть можетъ, ихъ прельстила возможность вступить въ дружескія отношенія со столь важною особой. Они выучились шахматнымъ ходамъ и скоро увлеклись новымъ для нихъ спортомъ.

Графъ Гуннелинъ давно уже сдѣлался украшеніемъ легенды, а потомки его сторожей все еще просиживали по цѣлымъ днямъ надъ шахматною доскою. Такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе старая деревня не переставала культивировать труднѣйшую изъ игръ, требующую сосредоточенности и соображенія.

Въ Штребекѣ играютъ въ шахматы поголовно всѣ отъ мала до велика, играютъ дамы, по праздникамъ или послѣ работы, играютъ въ школѣ, между уроками, играютъ на публичныхъ состязаніяхъ. Побѣдителямъ на шахматномъ турнирѣ подносятъ почетную шахматную доску съ лестною надписью. Этотъ знакъ отличія цѣнится шахматистами крестьянами больше всѣхъ орденовъ и медалей.

Каковъ же долженъ быть уровень образованія, развитія и благосостоянія въ селеніи, которое можетъ посвящать шахматной игрѣ свои досуги? Догадаться не трудно. Охотники потрунить подъ нѣмецкою сосредоточенностью, вѣроятно, отмѣтятъ оттѣнокъ комизма въ сопоставленіи крестьянства и такой сложной комбинаціонной игры, какъ шахматы. Что-жъ,—у каждаго народа имѣются свои особенности, и расположеніе къ глубокомыслію является качествомъ вовсе не столь частымъ, чтобы можно было относиться къ нему съ самомнительнымъ высокомѣріемъ.

Больные и раненые офицеры въ Ялтинской общинѣ сестеръ милосердія.
Съ фотографіи Н. Ольшанскаго, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, №25. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом." С. М. Проппера.